

*Я.А. Шитькова, А.А. Зиновик, 2 курс
Научный руководитель – В.А. Евстафьев, ст. преподаватель
Полесский государственный университет*

Изменения с политическими элитами, произошедшие в течение последнего времени, большинство элитологов предлагает рассматривать в контексте глобализации, ядром которой стало усиление взаимодействия между политическими элитами. Новое качество процесса межэлитных контактов выражается в том, что на смену относительно устойчивым альянсам в рамках национальных границ и военно-политических союзов приходит гибкая система временных элитных альянсов, преодолевающих национальные границы. Постепенное смещение центра принятия решений с национального на наднациональный уровень ослабляет возможности рядовых граждан влиять на принятие решений общенационального масштаба. Но с другой стороны, процесс глобализации сопровождается падением возможностей национальных элит контролировать процессы в области экономики, отчасти в области политики и культуры. При этом соответственно падают и возможности контроля политических элит над национальными электоратами. Таким образом, в условиях глобализации власть элит на наднациональном уровне возрастает, а на национальном падает.[5]

Среди тенденций, сложившихся в последние годы, можно выделить следующие: процессы существенной трансформации отношений в рамках дихотомии элиты-массы, заметное изменение стилей политического лидерства в западных политиях, ослабление одного из важнейших оснований современных западных демократий – принципа внутриэлитного консенсуса.

В сфере отношений элиты - массы можно говорить о существенном возрастании влияния и власти национальных и транснациональных элит по отношению к массовым группам. В условиях развития и становления современного информационного общества происходит некоторая противоречивость. С одной стороны, формирование технологических оснований информационного общества многократно расширяет возможности независимого доступа массовых групп к информации, а тем самым и возможности политического участия [4]. С другой стороны, лавинообразное усложнение социальной реальности сужает возможности рядовых граждан понимать существо происходящих процессов, и т. о. способствует сосредоточению власти в руках немногих.[1]

Изменение стилей политического лидерства в западных политиях связывают именно с фигурой Дж.Буша. Исследования показывают, что его команда в ряде отношений нетипична для американской политической элиты. Её отличают высокая плотность, исключительная внутренняя интеграция совокупности центров и кругов, сплочённость и редкая общность взглядов. По мнению О.В.Гаман-Голутвиной специфическими особенностями команды Буша являются подчёркнутая религиозность, квазивоенный дресс-код, демонстративный патриотизм, подчёркнутая лояльность президенту и упор на секретность.

Заслуживает внимания и воздействие нового политического стиля на практики внутриэлитного взаимодействия. По мнению М. Бартона и Дж. Хигли, внутриэлитный консенсус составляет базисное основание либеральной демократии и его нестабильность может способствовать упадку этой модели, поскольку демократии – это результат усилий консенсусно объединённых элит, специфической особенностью которых является консенсус в признании базовых ценностей при сохранении расхождений в конкретных политических вопросах.[6] Гаман-Голутвина в данном отношении называет Дж.Буша «брутальным нарушителем конвенции». Его действия она называет бескомпромиссными, жёсткими, а его стиль – плебисцитарным.

Взгляд на политику Буша как беспрецедентную в американской истории довольно распространён. Так, Дж. Хигли рассматривает команду этого президента в качестве исключительного явления в американской политике. Б. Херберт писал: «Благодаря политике Буша образ США воспринимается сегодня не как лидер свободы, а как убийца в камуфляже». Однако проблема использования военной силы для достижения политических целей в Америке не является новой, А. Басевич убеждён, что склонность американской элиты к использованию силы является не эксклюзивной особенностью администрации Буша, но устойчивой долговременной характеристикой американского истеблишмента [7].

Ещё одной особенностью современных элит доктор социологических наук А. Е. Чирикова называет изменение конфигурации российской власти – перемещение региональных элит на периферию политического процесса, которое произошло в результате административной реформы Путина, где ключевое место было отведено политической конструкции «вертикаль власти» (2000-2003гг). А. В. Дука выделяет вслед за Гаман-Голутвиной ещё один признак современных элит России – мелитократия, и отмечает, что проблема лежит не столько в плоскости представленности специфических интересов силовиков во властных структурах и их возможной деятельности на основании этих интересов, сколько в их профессиональной социализации. Они вносят в стиль поведения политических и административных институтов иерархию и исполнительность, не свойственную гражданским учреждениям. На его взгляд, неудача большинства военных режимов в мире состояла в неадекватных управленческих решениях в условиях гражданской административной и хозяйственной деятельности. Инновационный путь развития, о котором столько говорят, с силовиками не совсем вяжется.

Среди причин изменений выделяют также процесс реконверсии элиты. Это своего рода «переодевание» элиты, решающим элементом которого является «обуржуазивание» элитных групп. Оно проявилось прежде всего в двух явлениях. Во-первых, часть политической элиты трансформировала свое политическое влияние в экономический капитал. Представители политической номенклатуры сами вошли в новую бизнес-элиту или протезировали в хозяйственной сфере собственных детей. Во-вторых, «обуржуазивание» коснулось самой политической элиты - через расширение коррупции. Коррупция существовала всегда, но именно в современной России она стала как никогда масштабной и открытой. В результате политика стала ассоциироваться с самым прибыльным бизнесом. С одной стороны, крупные предприниматели ищут протекции государства и стараются получить от государства собственность и привилегии. С другой стороны, политики уже не удовлетворяются привычными атрибутами власти и известности. Их статусные позиции должны подкрепляться поступлениями на частные банковские счета. В результате крупные бизнесмены становятся политически влиятельными персонами, а политики и генералы превращаются в весьма обеспеченных людей.

Таким образом, политические элиты за последние несколько лет обновились и в структурном, и в деятельностно-стилевом, и в ценностном изменениях. В то же время произошла апробация и оценка силовой составляющей политических элит в роли политических лидеров, которая на данном этапе дала противоречивые результаты. Задача для новых политиков – поиск иных моделей реализации власти.

Список использованных источников

1. О. В. Гаман-Голутвина. Процессы современного элитогенеза: мировой и отечественный опыт. Часть 1. – Полис. №7, 2008
2. А. Е. Чирикова. Вертикаль власти в оценках региональных элит: динамика перемен. - Полис, №7, 2008.
3. А. В. Дука. Эволюция константы: российские элиты в историческом контексте. – Полис, № 7, 2008.
4. Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. Комерсантъ, 08-29. 09. 2003.
5. А. С. Панарин. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой. Кто нами правит? – Режим доступа: http://www.ldpr.ru/press/part_press/library/897/

6. Higley J. and Burton M. *Elites in Western Democracies: Reassertion and Separation*. Paper prepared for the International Conference on: *Changing Patterns of Elite Rule in Advanced Democracies*. Balestrand, Norway (June, 2005).
7. Bacevich A. *The New American Militarism: How Americans are Seduced by War*. N. Y.: Oxford.